

Т.Е. Андреева, Е.Ф. Афанасьева

DOI:10.25693/SVGV.2022.41.4.007

УДК 811.512.212'282.2

Звуковой строй баргузинского и томмотского говоров эвенкийского языка (сопоставительно-типологический аспект)

Научная новизна исследования заключается в том, впервые проведено сопоставление звуковых систем баргузинского и томмотского говоров. Актуальность темы исследования бесспорна, проблема изучения лингвистических особенностей говоров эвенкийского языка в синхронном срезе является актуальной в связи с процессом развития и унификации диалектов и говоров. Особенно важно зафиксировать и сохранить для науки звуковые системы говоров эвенкийского языка, поскольку особенности произношения можно изучать лишь при наличии носителей языка или диалекта, хорошо владеющих ими.

Цель работы – путем сопоставительно-типологического анализа определить специфику звукового строя баргузинского говора эвенкийского языка в сравнении с томмотским.

Методы исследования. В работе обобщены результаты фонико-фонологических исследований эвенкийского языка, которые были получены с использованием комплексной методики, включающей как собственно лингвистические методы фонологического анализа, так и экспериментально-фонетические соматические и акустические методики.

Основные *результаты* заключаются в том, что проведенными экспериментально-фонетическими исследованиями подтверждено сходство общих принципов организации звуковых систем исследуемых говоров эвенкийского языка, выявлены их различия, установлено, что у каждого говора есть своя специфика. Результаты необходимы для разработки теории артикуляционных баз, их типологии и классификации.

Ключевые слова: эвенкийский язык, наречие, говор, звуковой строй, гласные, согласные, сравнительно-сопоставительное исследование, своеобразие звуковой системы, артикуляционно-акустическая база

I. Введение. Проблема описания и изучения лингвистических особенностей говоров эвенкийского языка в синхронном срезе является *актуальной* в связи с процессами развития и унификации его диалектов.

В настоящее время, когда на обширной территории Севера, Сибири и Дальнего Востока проживают носители более сорока языков и крупных диалектов, наиболее важной и

неотложной для лингвистов является задача *изучения звуковых систем* языков. В современном мире высоких скоростей, доступных средств массовой коммуникации и массовой информации интенсивно происходят процессы консолидации, то есть объединения языков и диалектов, ассимиляции – уподобления языков коренных малочисленных народов Севера, перехода на языки более крупных

народов, например, в Якутии – на якутский и русский, в Бурятии – на бурятский и т.д. Кроме того, национальные языки многие свои функции передают русскому как языку межнационального общения. Это процесс объективный, остановить его вряд ли представляется возможным, но и форсировать нельзя. Язык – это душа народа, отражение его истории, его видения мира, а потому каждый народ должен сохранить свою самобытную культуру, свое самосознание, свой родной язык.

Учитывая сложную языковую ситуацию на территории Сибири и Дальнего Востока, лингвисты ставят перед собой задачу зафиксировать и изучить исчезающие языки и территориальные диалекты – их лексическую, грамматическую и прежде всего фонетическую системы.

Задача изучения звукового строя языков коренных народов Севера является приоритетной, первостепенной, так как возможности изучения звуковой системы языка, в особенности артикуляторного ее аспекта, уходят вместе с последним носителем языка. Грамматический строй и словарный состав языков коренных малочисленных народов Севера отражены в трудах отечественных и зарубежных исследователей и в их текстовых материалах и в дальнейшем вполне могут изучаться и уточняться, а фонетические исследования будут практически исключены.

В имеющейся научной литературе звуковые системы языков коренных малочисленных народов Севера отражены недостаточно, поскольку описывались они субъективным слуховым методом со свойственными ему искажениями, ошибками, неточностями. Изучались языки народов Севера в основном русскоязычными и немецкоязычными исследователями, такими как В.В. Радлов, В.И. Вербицкий, Н.Ф. Катанов, М.А. Кастрен, О.Н. Бетлингк и др. Академик Л.В. Щерба [Щерба, 1974] отмечал, что даже самое изошренное ухо слышит то, что оно привыкло слышать, и, кроме того, человек не слышит звука, если не может его произнести. Поэтому звуковые системы языков народов Севера восприняты выдающимися их исследователями через призму родных фонетических и фонологических систем и описаны в традициях

индоевропейского и, в частности, русского языкознания, что в корне неверно, так как не отражает специфики звукового строя языков народов Севера – языков иной типологии.

Следует особо подчеркнуть, что на данном этапе исследования звуковую систему языка можно наиболее объективно выявить и зафиксировать лишь с применением методов экспериментальной фонетики.

Таким образом, перед фонетистами стоит задача зафиксировать, пока не поздно, фонетические и фонологические системы языков народов Севера, а их насчитывается более тридцати. Широкомасштабное экспериментальное обследование языков и территориальных диалектов народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по единой методике, обеспечивающей сопоставимость результатов, началось более тридцати лет тому назад после создания Лаборатории экспериментально-фонетических исследований в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук заслуженным деятелем науки Тувинской АССР, крупнейшим тюркологом и монголистом В.М. Надеяевым [Селютина, 2021: 56–65].

При изучении фонетики и фонологии коренных народов Севера и Сибири ставятся две основные теоретические задачи:

1) усовершенствовать артикуляционную классификацию звуков речи, учитывая массовый экспериментальный материал по типологически различным языкам и диалектам Сибири и Дальнего Востока, а также привлекая данные по звуковым системам языков других районов мира;

2) разработать теорию артикуляционно-акустической базы.

Использование теории артикуляционно-акустических баз в качестве историко-лингвистического источника позволит научно обосновать гипотезу об этногенезе этноса.

Язык каждого народа – важнейший исторический источник. В отличие от других народов эвенкийский народ не имеет никаких письменных текстов, никакой письменной памяти о себе, как, например, якуты, буряты, тувинцы, алтайцы. Историю эвенков приходится восстанавливать по косвенным данным, по фольклорным и археологическим материалам.

Предметом исследования в данной статье являются звуковые системы баргузинского и томмотского говоров эвенкийского языка.

Цель статьи – выявить специфику баргузинского говора эвенкийского языка в сопоставлении с томмотским; показать универсальный характер артикуляционно-акустической базы (ААБ) как основной составляющей плана выражения в акте речевого взаимодействия, определить роль ААБ в формировании языковой специфики.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты экспериментально-фонетического исследования баргузинского и томмотского вокализма и консонантизма необходимы для сравнительно-исторического изучения тунгусо-маньчжурских языков; для разработки теории артикуляционных баз, их типологии и классификации; могут служить теоретическим материалом для разработки методик обучения русскому и иностранному языкам в школах коренных малочисленных народов Севера.

II. Материалы и методы. В работе обобщены результаты изучения звуковых систем говоров и диалектов эвенкийского языка за последние полвека, начиная с конца 1960-х гг. При проведении исследований использована комплексная методика, которая включает собственно-лингвистические субъективные и объективные методы, а также инструментальные методы артикуляторной и акустической фонетики.

Одной из первых работ на русском языке в области изучения баргузинского говора является работа Н.Н. Поппе [Поппе, 1927]. Им даны записи текстов загадок, сказок, одного сказания с переводом, записанные от слушателя подготовительного отделения Ленинградского института живых восточных языков П.Н. Баранова, и словарь. В предисловии Н.Н. Поппе кратко характеризует морфологию баргузинского говора, не описывая его фонетические и синтаксические особенности. Позднее, опираясь на материалы Н.Н. Поппе, В.А. Горцевская дает полную характеристику баргузинского говора в сравнении с нормами литературного эвенкийского языка, при этом отмечая, что «выдвигаемые положения по характеристике фонетических, морфологических и прочих особенностей говора баргузинских эвенков основываются исключительно на примерах из

указанных текстов и словаря к ним» [Горцевская, 1936: 4]. О некоторых морфологических, лексических особенностях баргузинского говора в разные годы писали М.Д. Симонов, Д.М. Берелтуева, Н.И. Гладкова. Фонетические исследования с некоторыми экспериментальными данными по данному говору были проведены Е.Ф. Афанасьевой.

Из многочисленных говоров эвенкийского языка комплексному изучению методами инструментального обследования был подвергнут лишь один – ербогаченский, а полигусовский и баунтовский – лишь частично. Томмотский говор не был до настоящего времени предметом специального инструментального обследования. Представители этого говора живут в Алданском районе РС (Я), «Язык эвенков Якутии... представлен четырьмя говорами восточной диалектной группы: токкинским, томмотским, тимптонским, учурским» [Романова, Мыреева, Барашков, 1975: 26]. Первые описания звуковых строев этих говоров были даны А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой в диалектологических очерках [Романова, Мыреева, 1962, 1964]. Однако они опирались на слуховой метод, экспериментальными методами ни один говор не был исследован. В 1988 г. выходит из печати монография Т.Е. Андреевой, представляющая собой первое экспериментально-фонетическое исследование вокализма и консонантизма одного из говоров эвенков Якутии – томмотского [Андреева, 1988]. В ней определяется звуковой и фонологический состав говора, описываются его фонетические и фонологические особенности, качественные и количественные стороны фонем, дается их фонологическая трактовка.

III. Результаты. В современном эвенкийском языке имеется три наречия: южное, северное, восточное. Основопологающим признаком, по которому говоры эвенкийского языка разделены на три наречия, является соответствие согласного [с] в южном наречии согласному [h] в северном. К восточному наречию отнесены говоры смешанного характера, которые имеют черты как северного, так и южного наречий. Баргузинский входит в состав витимо-олекминского диалекта, томмотский – в состав верхнеалданского диалекта восточного наречия [Булатова, 1997: 42–53]. В обоих этих говорах в начале слова, как и в южном, преобладает [с], а

в положении между гласными, как в северном, в основном употребляется согласный [h]. Это закономерно как в начале слова, так и в положении между гласными. Согласно этому признаку, баргузинский говор, как и томмотский, отнесен к восточному наречию современного эвенкийского языка. Так, в этих говорах в начале слова употребляется [с]: с̄арэн ‘знает’, сагды ‘старый’, с̄екта ‘тальник’, а в середине слов между гласными – [h]: аһи: ‘женщина’, биһин ‘есть, имеется’, б̄һа ‘карусель’.

Вокализм

В баргузинском говоре, как и томмотском, 11 гласных фонем: [и], [и:], [е:], [о], [о:], [у], [у:], [а], [а:], [э], [э:]; 18 согласных фонем: [п], [б], [в], [м], [т], [д], [с], [н], [л], [р], [ч], [д’], [й], [н’], [к], [г], [җ], [h].

В текстах обоих говоров выделяются словоформы с идентичным звуковым составом, различающиеся одним-двумя звуками, т.е. квазиомонимы. При опоре на семантическое содержание этих квазиомонимов устанавливается фонематический статус фонически различающихся согласных звуков в сопоставляемых словоформах. Например: аран ‘едва’ – ирин ‘время созревания чего-либо’ – урун ‘радость’ – эрин ‘дыхание’ – арэн ‘он поспал’ – ырэн ‘он вошел’ – ырэн ‘он соскреба скребком мездру шкурки’ – бран ‘он что-либо сделал’, нама ‘седло’ – няма ‘тепло’, дяка [д’ака] ‘воротник’ – даку ‘ меховая шуба’ – няка [н’ака] ‘хорошо, неплохо’ – нэкун ‘младший брат (сестра)’ – һэку ‘жарко’ и т.д.

Сопоставления квазиомонимов, минимальных пар, в которых реализация выявленных фонем, противопоставляясь близким в акустическом и артикуляционном отношении звукам и являясь единственной материальной причиной семантического различия сравниваемых словоформ, подтверждают фонологический статус звуков [а], [а:], [е:], [о], [о:], [и], [и:], [у], [у:], [э], [э:]: силэ ‘суп’ и сэлэ ‘железо’; һи: ‘кто’ и һо: ‘плохой запах’; и:м и: ‘войти’, о:м и: : ‘душа’, а:м и: ‘спать’ и т.д.

Большинство гласных и согласных не имеют позиционных ограничений в слове. Так, долгие фонемы [а:], [о:], [и:], [у:], встречаются в изолированной позиции. Например: а̄-м̄ «спать», б̄-м̄ «сделать», ӯ «скребок для соскабливания мездры», ӯ «слепая кишка животного».

Анализ распределения томмотских гласных показал, что они обладают широкой дистрибуцией – все 11 гласных фонем возможны в любых фонетических положениях: в анлауте, инлауте и ауслауте.

Консонантизм

На основе дистрибуции согласных фонем в баргузинском и томмотском говоре констатируется следующее: в инициальной позиции согласная фонема [р] не встречается; в финальной позиции не употребляются согласные фонемы [б], [д], [д’], [н’], [h], [ч]. Согласная фонема [д’] в баргузинском говоре внутри слова не сочетается ни с одной согласной, она может быть только в положении между гласными. Согласная фонема [д’] никогда не употребляется перед согласными, не входит в состав суффиксов.

Медиальные сочетания согласных на стыке слогов в томмотском говоре ограничены следующими типами: сонант – шумный, сонант – сонант, шумный – шумный: амта ‘вкус’, уркэ ‘дверь’; гёмми ‘потом’, дуннэ ‘земля’, угиррэн ‘он поднял’, олло ‘рыба’, суруммен ‘тотчас ушел’, гүннэ ‘сказав’, б̄лла ‘стали делать’; бикитту ‘на стойбище’, дявва ‘лодку’.

В баргузинском говоре, в отличие от томмотского, отсутствует смягчение согласных перед гласными. В отличие от него в томмотском говоре перед гласными *и* и *е* смягчаются губно-губные согласные *п*, *б*, *в*, *м*: Например, б’ёга ‘луна, месяц’, м’ёван ‘сердце’; переднеязычные *с*, *л*, *р*: с’ён ‘ухо’, с’ёраң ‘жердь’, ир’иктэ ‘муравей’; заднеязычные *к*, *г*, *н*, *ң*: к’ёмака ‘колечко’, г’ё ‘другой, второй’, һ’ёлбуми ‘примерзнуть’ и др.

О фонологической трактовке отдельных фонем

В вокалической системе эвенкийского языка выделяется фонема, обозначаемая как [э:]. Так, в одних говорах данная фонема характеризуется как очень открытая фонема, приближающаяся по звучанию к [о]: [монокон] ‘я сам’, [соксо] ‘кровь’. Эти говоры отнесены к окающим. В другой группе говоров, в том числе и в баргузинском, эта фонема характеризуется как [а]: [манэкан], [саксэ] [Афанасьева, 2008: 74]. Это выявлено в ходе наших экспериментальных исследований.

Вокальный звукотип [э:] в томмотском говоре определяется как смешаннорядный выдвинутый, примерно IV степени отстояния слабо огубленный долгий. Примеры: бэркэ ‘смелый, хра-

брый', дэрэс 'твое лицо', элбэлэн 'шалаш для ночевки', хэрэн 'подошва'.

В консонантизме баргузинского говора имеются следующие особенности: срединный щелевой согласный *в* баргузинском говоре по форме щели является плоскощелевым [β], так же, как и в ряде говоров северного и восточного наречий. В говорах южного наречия, в частности в сымском, определяется как круглощелевой [w] [Василевич, 1948: 66]. В отличие от русского [в] эвенкийский [β] ~ [w] характеризуется как губно-губной, а не губно-зубной согласный. Он не имеет парной глухой фонемы, но имеет глухой аллофон: перед глухими согласными и в конце слов оглушается. Например, эвчэ [эфчэ] 'легкие', таңивка [таңифка] 'счет', дяв [д'аф] 'лодка', бакачав [бакачаф] 'я нашел'. Необходимо отметить, что в баргузинском говоре слов как с начальным, так и с конечным [β] немного. В литературном языке значительно шире конечный [β], распространен как суффиксальный показатель и входит в состав ряда грамматических формантов, но в баргузинском говоре [β] в суффиксах переходит в [п]. Сравнить: *хунāt-вэ* (лит.) – *хунāt-пэ* (барг.) 'дочь – вин.п.', *муриндук-ви* (лит.) – *муриндук-пи* (барг.) 'от своего коня' (отл.п.). Как некоторую особенность баргузинского говора надо отметить соответствие согласного [в] ~ согласному [г] в литературном языке: *увигит* (барг.) ~ *угигит* (лит.) 'сверху', *увиркэл* (барг.) ~ *угиркэл* (лит.) 'подними'. Такое чередование встречается в основном в сочетании *уги*.

В настоящее время эвенки, плохо владеющие родным языком, на слух не чувствуют разницу между этими звуками [β] или [w]. Поэтому в эвенкийских словах они заменяют эвенкийский губно-губной [β] ~ [w] русским губно-зубным согласным [в]. Так, вместо [ва:рэн] произносится [ва:рэн] «добыл», [вачи:] – [вачи:] 'шарф из беличьих хвостов' и т.д.

В баргузинском говоре, как и в томмотском, по нашим экспериментальным данным, согласный [н'] характеризуется как среднеязычный смычный малошумный сонантный согласный. В словах встречается только в начале и середине слова. Не употребляется перед согласными, за исключением [н]. И в качестве второго компонента он может следовать только за [н]. Например: *нālэ* 'рука', *нюннйкү* 'гусь'.

В баргузинском говоре фонема [ч] по своим характеристикам является аффрикатой, фонема [д'] – среднеязычной смычной малошумной звонкой согласной; в томмотском обе фонемы – аффрикаты.

Заднеязычный смычный согласный [г] в баргузинском, как и в томмотском говоре, имеет несколько аллофонов. В начале слова, в середине слов перед согласными и после них характеризуется как заднеязычный смычный [г]: *гара* 'ветка', *дягдаглү* 'по сосняку', *бургү* 'жирный', а в положении между гласными реализуется как звонкий щелевой [γ]: *дага* [даγа] 'близкий, близко', *того* [тоγо] 'огонь' и в конце слова как глухой [к]: *гаг* [гак] 'лебедь', *чу↔каг* [чу:как] 'луг'.

В настоящее время у эвенков, плохо владеющих родным языком, возникают затруднения в произношении *г*, реализуемого между гласными, поэтому в словах вместо [тоγо] (того 'огонь') слышим [того], [аγи:] – [аги:] (аги 'лес, тайга') и т.д.

В консонантной системе баргузинского и томмотского говоров выделяется фарингальная *h*, которая многими учеными–тунгусоведами не трактуется как самостоятельная фонема, а лишь как вариант фонемы *x*. Произношение заднеязычного щелевого глухого [x] не характерно для баргузинского говора, как и в целом для эвенкийского языка. По характеру соответствия [с] ~ [h] в начале и в середине слова баргузинский говор, как и томмотский, относится к сибилантно-спирантной группе говоров эвенкийского языка. В начале и в конце словоформ, как и в литературном языке, независимо от характера гласного, также рядом с согласным, и в баргузинском, и в томмотском говорах употребляется [с]: *сārэн* 'знает', *сулакү* 'лиса', *үксэ* 'рукав одежды', *эмэксэ* 'придя', а в середине слова между гласными, в отличие от литературного, всегда [h]: *ahū* 'женщина', *уho* 'потолок'.

Вместе с тем необходимо отметить, что в эвенкийском языке много слов, которые во всех трех наречиях имеют в начале слова фарингальный [h]: *нава* «работа», *hēлакү* «куропатка», *hокто* «дорога», *хунāt* «девушка» и т.д. В настоящее время если в баргузинском говоре начальный [h] сохранен, то в некоторых говорах, в том числе в баунтовском и северобайкальском говорах эвенков Республики Бурятия, начальный [h]

утрачен. Некоторые носители томмотского говора также не произносят данный звук.

В баргузинском говоре носовой согласный *ɲ* имеет свои особенности. Так, если в литературном языке и в баргузинском говоре в начале слова перед широкими гласными употребляется, как правило, *ɲ*: *ɲāŋtə* ‘пихта’, *ɲэнэкэл* ‘сходи’, *ɲоним* ‘длинный’, то в баргузинском говоре перед узким гласным и вместо *ɲ* употребляется *н*: *ни* (барг.) – *њи* (лит.) ‘кто’, *ниŋtə* (барг.) – *њиŋtə* (лит.) ‘корень’. В отдельных словах в баргузинском говоре происходит замена начального *ɲ* на *м*. Например: *манмакта* «комар» вместо лит. *ɲанмакта*, *мур* «кобель» вместо лит. *ɲур* [Афанасьева, 2008: 76].

IV. Обсуждение. Проблема описания и изучения лингвистических особенностей говоров эвенкийского языка в синхронном срезе является актуальной в связи с процессом развития и унификации диалектов. Особенно важно зафиксировать и сохранить для науки звуковые системы языков, поскольку особенности произношения можно изучать лишь при наличии носителей языка или диалекта, хорошо владеющих ими. Именно фонетические исследования дают богатейший материал для выявления существования праязыка, установления промежуточных стадий развития языка. Стандартизация литературной нормы и некоторая ее искусственность нивелируют то фонетическое богатство, которое сохраняется и передается из поколения в поколение в языках, живущих и развивающихся по своим внутренним законам.

Артикуляционно-акустическая база носителей языка представляет собой в трактовке ленинградской фонологической школы систему определенных артикуляционных навыков в единстве с их акустическими эффектами. Она отрабатывается этносом на самых ранних этапах его развития, становится свойством создавшего ее этноса, но не свойством его языка, существует и проявляется в материальной стороне языка или ряда языков, которыми исторически обусловленно владел и владеет данный этнос. Артикуляционно-акустическая база позволяет проследить эволюционное развитие звуковой стороны языка, объяснить его устойчивость. В этом плане артикуляционно-акустическая база может рассматриваться как один из существенных исторических источников в восстановле-

нии сложных этногенетических процессов и имеет важное значение для сравнительной и исторической фонетики [Наделяев, 1980: 6; Зиндер, 1995: 82].

Анализ экспериментального материала основных оттенков гласных и согласных фонем баунтовского и томмотского говоров позволяет определить особенности артикуляционно-акустической базы, они каждый по отдельности имеют свою специфику консонантизма и вокализма, а также имеют общие принципы организации звуковой системы эвенкийского языка.

V. Заключение. Как показывают материалы, артикуляционно-акустическая база эвенкийского языка в области гласных определяется как слабая по степени мускульной напряженности речевого аппарата. Релевантным признаком эвенкийского вокализма является длительность. Подтверждается вывод В.И. Цинциус, что сингармонизм имеет ступенчатый характер.

В области согласных оба говора имеют основные доминантные признаки: 1) общая относительно слабая мускульная напряженность при артикуляции всех согласных фонем, выражающаяся в наличии позиционно-комбинаторного варьирования смычности – щелинности в реализации губных, среднеязычных, заднеязычных согласных; 2) как следствие общей слабой артикуляторной напряженности отмечается распространенность импловзивных смычных согласных и факультативная назализованность согласных; 3) наличие пяти артикуляторных рядов согласных: губно-губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, фарингальный; 4) отсутствие палатализации переднеязычных согласных *t* и *d* в словоформах *тыгдэ* ‘дождь’, *тыгэ* ‘посуда’, *дылкэ̄н* ‘муха’, *адыл* ‘сеть’ и т.д.); 5) ограниченное употребление ротового дрожащего *r* (не употребляется в начальной позиции слова, только в середине и конце словоформы: *орон* ‘олень’, *орор* ‘олени’ и др.).

Подводя итоги, можно сказать, что баргузинский и томмотский говоры восточного наречия в количественном отношении не имеют отличий от других говоров эвенкийского языка, однако имеют некоторые отличия в качественном отношении, которые являются отражением разновременных и разнохарактерных взаимодействий этносов и их языков.

Список литературы:

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.

Афанасьева Е.Ф. Баргузинский говор современного эвенкийского языка // Вестник Читинского гос. ун-та. №6(51). Чита: ЧитГУ, 2008. С. 70–76.

Булатова Н.Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 42–53.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения, 1948. 353 с.

Горцевская В.А. Характеристика говора баргузинских эвенков. Л.: Учпедгиз, 1936. 104 с.

Зиндер Л.Р. Роль экспериментальной фонетики в фонологическом анализе языковых систем (из истории фонетических исследований в Санкт-Петербургском университете) // Вестник СПбГУ, 1995. Серия 2. Вып. 4. № 23. С. 32–40.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С.27–32.

Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских эвенков. Л., 1927. 60 с.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки токкинско-го и томмотского диалектов [Ред. Г.М. Василевич]. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. 104,[3] с.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.–Л.: Наука, 1964. 171 с.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. Л.: Наука, 1975. 212 с.

Селютин И.Я. Артикуляционно-акустическая база как маркер культурно-языковой идентичности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. №1(34). С. 56–65.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

ty]. №6(51). Chita: Chita State University Publ., 2008. Pp. 70-76. (In Russian)

Andreeva I.E. *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [The sound system of the Tommot dialect of the Evenk language]. Novosibirsk: Science Publ., 1988. 142 p. (In Russian)

Bulatova N.Ya. *Evenkiyskiy yazyk i ego regional'nye varianty v sotsiolingvisticheskom aspekte* [Evenk language and its regional variants in sociolinguistic aspect]. *Malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Problemy sokhraneniya i razvitiya yazykov* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. Problems of preservation and development of languages]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. Pp.42-53. (In Russian)

Gortsevskaya V.A. *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov* [Characteristics of the dialect of the Barguzin Evenks]. Leningrad: publ. educational and pedagogical literature, 1936. 104 p. (In Russian)

Nadelyaev V.M. *Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh* [Articulation classification of vowels]. *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980. Pp. 27-32. (In Russian)

Poppe N.N. *Materialy dlya issledovaniya tungusskogo yazyka. Narechie barguzinskikh evenkov* [Materials for the study of the Tungus language. Adverb of the Barguzin Evenks]. Leningrad, 1927. 60 p. (In Russian)

Romanova A.V., Myreeva A.N. *Ocherki tokkinskogo i tommotskogo dialektov*. Redaktor G.M. Vasilevich [Essays on the Tokkinsky and Tommot dialects. Editor G.M. Vasilevich]. Moscow-Leningrad: publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 104,[3] p. (In Russian)

Romanova A.V., Myreeva A.N. *Ocherki uchurskogo, mayskogo i tottinskogo govorov* [Essays on Uchursky, May and Tottinsky dialects]. Moscow-Leningrad: Science Publ., 1964. 171 p. (In Russian)

Romanova A.V., Myreeva A.N., Barashkov P.P. *Vzaimovliyaniye evenkiyskogo i yakutskogo yazykov* [Interaction between Evenk and Yakut languages]. Leningrad: Science Publ., 1975. 212 p. (In Russian)

Selyutina I.Ya. *Artikulyatsionno-akusticheskaya baza kak marker kul'turno-yazykovoy identichnosti* [Articulation and acoustic base as a marker of cultural and linguistic identity]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2021. №1(34). Pp. 56-65. (In Russian)

Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Science Publ. Leningrad branch, 1974. 427 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on dialects of the Evenk

References:

Afanasyeva E.F. *Barguzinskiy govor sovremennoego evenkiyskogo yazyka* [Barguzinsky dialect of the modern Evenk language]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chita State Universi-

(Tungus) language]. Leningrad: State Educational and Pedagogical Publ. of the Ministry of Education, 1948. 353 p. (In Russian)

Zinder L.R. Rol' eksperimental'noy fonetiki v fonologicheskom analize yazykovykh sistem (iz istorii foneticheskikh issledovaniy v Sankt-Peterburgskom univer-

sitate) [The role of experimental phonetics in the phonological analysis of language systems (from the history of phonetic research at St. Petersburg University)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 1995. Series 2. Release 4. № 23. Pp. 32-40. (In Russian)

T.E. Andreeva, E.F. Afanasieva

The Sound Structure of the Barguzin and Tommot Dialects of the Evenk Language (Comparative and Typological Aspects)

The *scientific novelty* of the study lies in the fact that for the first time a comparison of the sound systems of the Barguzin and Tommot dialects was carried out. The relevance of the research topic is indisputable. The problem of studying the linguistic features of the Evenk language dialects in a synchronous context is relevant in connection with the process of development and unification of dialects. It is especially important to fix and preserve for science the sound systems of the Evenk language dialects, since the peculiarities of pronunciation can only be studied if there are native speakers of the language or dialect who speak them well.

The *aim* of the work is to determine the specifics of the sound structure of the Barguzin dialect of the Evenk language in comparison with Tommot by means of a comparative typological analysis.

Research methods. The paper summarizes the results of phonic-phonological studies of the Evenk language, which were obtained using a complex methodology, including both proper linguistic methods of phonological analysis, and experimental phonetic somatic and acoustic methods.

The main *results* are that the experimental phonetic studies confirmed the similarity of the general principles of organization of the sound systems of the studied of the Evenk language dialects, revealed their differences, and found that each dialect has its own specifics. The results are necessary for the development of the theory of articulatory bases, their typology and classification.

Keywords: Evenk language, adverb, dialect, sound system, vowels, consonants, comparative study, originality of the sound system, articulatory-acoustic base